Неделя, - 1988. - 29 авг. - 4 сент. - с. 10-11.

Федор РАСКОЛЬНИКОВ

ЗАПИСКИ

В «Неделе» № 33 мы опубликовали беседу с вдовой известного революционера, дипломата и литератора Ф. Ф. Раскольникова — Музой Васильевной. Во время встречи с корреспондентом она передала ему «Записки советского посланника», никогда ранее не публиковавшиеся в нашей стране. Отрывки из этой рукописи мы и предлагаем сегодня читателям.

СТАЛИН В ТЕАТРАЛЬНЫХ КРЕСЛАХ

В конце ноября 1935 года в Москве установилась сухая, морозная, белая зима. Крупными, щекочущими хлопьями валил густой снег, покрывая пушистой и ослепительной белизной железные крыши домов, тротуары и мостовые, потертые пальто и шапки прохожих, открытые автомобили со слюдяными окнами и поднятым верхом. В филиале Московского Художественного театра на Богословском переулке шла новая, но уже нашумевшая пьеса «Платон Кречет» модного украинского писателя Корнейчука. Мы с женой приехали в театр рано... Нас провели в левую директорскую ложу и предложили подождать начала спектакля в примыкающем к ложе кабинете директора. Вдруг у директорского подъезда прозвенел тонкий электрический звонок, и в кабинет вошел запыхавшийся от мороза Максим Максимович Литвинов с молодой девушкой, если не ошибаюсь, приемной дочерью.

— Ну, когда вы едете? — спросил он меня. Нарком иностранных дел не любил, когда подолгу засиживались в Москве. Я ответил, что на днях уезжаю в Софию. Максим Максимович снял круглые очки, подышал на них и, близоруко щурясь, протер носовым платком запотевшие стекла.

В коридорах театра задребезжал третий звонок, и мы уже направились в ложу, как вдруг в кабинет директора вбежал взволнованный администратор и, смущенно извиняясь, сказал мне и Литвинову, что он, к сожалению, не может предоставить нам директорской ложи, а посадит на свободные места в партере. «Товарищ Сталин приехал»,— шепнул он на ухо. Выходя из кабинета, я мельком увидел, как перед директорской вешалкой Сталин расстегивал долгополую военную шинель. Нас разместили в креслах в первых рядах партера.

Когда после первого акта опустился занавес, то я моему креслу подошел расправившийся администратор и сказал, что меня с женой просят в директорскую ложу. Когда мы открыли дверь в кабинет директора, то Сталин и Молотов, стоя у входа, разговаривали между собой. Я поздоровался и познакомил с ними мою жену.

— Сталин,— отчетливо отрекомендовался Иосиф Виссарионович, протягивая ей руку.

С низким лбом в зачесанными назад черными с сединой волосами, он был в светло-бежевом кителе и светло-бежевых брюках, заправленных в высокие солдатские сапоги. Вячеслав Михайлович Молотов в пенсне без оправы и в однобортном поношенном пиджаке с мягким воротничком и небрежно повязанным галстуком походил на заурядного провинциального интеллигента: земского статиста или податного инспектора. Кроме них, в кабинете находился директор Художественного театра Владимир Иванович Немирович-Данченко. С розовым лицом и расчесанной надвое холеной бородой он почтительно и безмолвно стоял в углу кабинета. Извещенный по телефону о неожиданном приезде в театр высоких гостей, он срочно примчался из дому во время первого акта.

Владимир Иванович пригласил нас к столу. Молотов, моя жена и я сели за круглый стол, а Сталин из предосторожности отказался от чая и грузно опустился на низкий диван. Сталин рассказал, что он и Молотов поехали в первый МХАТ, но там заменили спектакль, и тогда они решили посмотреть «Платона Кречета», которого еще не видели. Сталин с большим интересом расспросил меня о Болгарии.

— Природа Болгарии похожа на наше Закавказье,— начал я. Потом я рассказал ему об огромных симпатиях, существующих в этой стране к Советскому Союзу.

— Наверное, живы старые славянофильские чувства?

Я подтвердил, что в Болгарии нас больше любят как русских, а не как большевиков.

— Ну, а как у них отношения с соседями?

— Сейчас начинают,— прервал разговор Немирович-Данченко, показывая на загоревшуюся над дверью красную лампочку. Я стал прощаться.

— Увидимся в следующем антракте,— сказал, поднимаясь с дивана, Сталин и вместе с Молотовым не спеша направился в ложу.

Второй антракт мы снова провели в кабинете директора театра. За круглым столом Молотов, размешивая ложечкой сахар, с явным удовольствием беззаботно пил чай. Сталин стоял в глубине комнаты, возле большого письменного стола, у окна, завешенного зеленой шторой. Перед ним стояла полная невысокая женщина с короткими, растрепанными волосами в темно-синем английском костюме и белой, не первой свежести, английской кофточке. Она тараторила, как пулемет, наседая на Сталина, который все дальше отступал от нее к окну. Заместительница директора МХАТа с взаитом посвящала Сталина во все мелочи театра.

— Вот назойливая женщина! Как она пристала к Хозяину! Никому не дает с ним поговорить! — прошептал Немирович-Данченко, когда я садился на диван.

— Садитесь, Владимир Иванович,— сказал я, отодвигаясь, чтобы дать ему место рядом.

— Неудобно, знаете ли, когда Хозяин стоит,— ответил Владимир Иванович, робко присаживаясь на ручку дивана.

Заместительница директора рассказывала, что врачи послали больного туберкулезом актера Баталова за границу, в польский курорт Закопане.

— Мы только что поручили от него письмо,— трещала она,— бедняга пишет, что безумно скучает.

— Что за безобразие! — возмутился Сталин.— Посылать больных на границу, когда у нас на Кавказе не худшие курорты? Кто послал его в Закопане?

— Не знаю,— ответила женщина, испуганная внезапной суровостью тона Сталина.— Не знаю. Кто-то из кремлевских врачей.

Медленно, как крокодил, поводя головой и туловищем, Сталин подошел к письменному столу, снял с металлической вилки черную трубку телефона и вызвал Кремль.

— Товарищ Поскребышев! — властно сказал он.— Я сейчас узнал, что какой-то врач послал артиста Художественного театра Баталова лечиться за границу, в Закопане. Сейчас же узнайте, кто его послал, и сообщите мне по следующему номеру. Какой ваш номер? — подымая брови, вполголоса спросил он Немировича. Владимир Иванович с неожиданным для его 75 лет проворством вскочил с ручки дивана, как школьник, вызванный учителем, и пробормотал какое-то пятизначное число. Сталин повторил его в рупор, с силой положил телефонную трубку на место и победоносно оглянулся, проверяя, какое впечатление производит на нас его всемогущество. Пользуясь тем, что беседа Сталина с назойливой женщиной оборвалась, Немирович-Данченко сделал попытку овладеть разговором.

— К сожалению, Иосиф Виссарионович, я не мог исполнить ваше поручение,— сказал он, степенно расправляя пышную бороду и подходя к Сталину.— Я виделся по вашему поручению с Шаляпиным и разговаривал с ним, но, увы, ничего не вышло. Там зло в жене. Она непримиримо настроена.

Сталин молча кивнул головой. По обрывкам разговора я догадался, что Немирович-Данченко по поручению Сталина приглашал Шаляпина в СССР. Продолжая занимать гостя, Немирович-Данченко рассказал, что недавно «Платона Кречета» смотрел Каганович.

— Он запоздал, и мы для него задержали начало спектакля,— похвастался Немирович внимательным отношением к вождям.

— И напрасно! — ревниво сказал Молотов.— Не следовало бы ждать его. Возмутительно, что Каганович задерживает спектакль,— громко сказал Молотов и, как подсолнечник к солнцу, всем корпусом повернулся к Сталину.

Я знал, что отношения между Молотовым и Кагановичем были напряженны, но не думал, что они достигли такой остроты, что Молотов не мог удержаться от шпильки по адресу соперника в присутствии посторонних.

«Раньше Народный Комиссар по просвещению Луначарский задерживал своевременную отправку поездов, а теперь Народный Комиссар путей сообщения Каганович задерживает своевременное начало спектаклей»,— мелькнуло у меня в голове. В эту минуту на пороге показался Литвинов. При виде нас, непринужденно сидящих на диване, он чуть не поперхнулся и на секунду остолбенел. На его широком добродушно сияющем лице отразилось нескрываемое изумление. С легкостью неся тучное тело, он деловитой, торопливой походкой на цыпочках подошел к Сталину, о чем-то вполголоса поговорил с ним и той же деловитой походкой, на цыпочках вышел из кабинета. Меня удивило, что никто не предложил ему сесть и выпить стакан чаю. Он пришел и вышел, как мелкий чиновник. Мне стало ясно его удивление при виде нас. В то время звезда Литвинова еще не клонилась к закату и такое отношение к нему не было признаком гнева или опалы, в нормальным порядком вещей, установившимся между вождями и рядовыми наркомами, не состоявшими членами Политбюро. Даже Нарком иностранных дел, блиставший на международной арене, был в их глазах простым «спецом». К нему относились, как к мавру! «Мавр сделал свое дело, мавр может уйти». На письменном столе загудел телефон. Сталин, стоявший у письменного стола, снял трубку.

— Алло! Товарищ Поскребышев, это вы? Слушаю. Кремлевский врач? Как фамилия? Напомните мне об этом завтра. А Баталова нужно немедленно перевести в один из советских курортов. Займитесь этим делом!

«Бедный Баталов! — подумал я про себя,— наверное, он сам просил врачей, чтобы его послали лечиться за границу, а теперь и без того короткий заграничный отпуск будет прерван в самом начале по вине этой болтуньи».

Над дверью загорелась красная лампочка. Я стал прощаться.

— Надо бы нам с вами поговорить! — с приятным грузинским акцентом сказал Сталин, пожимая мне руку сухой и жесткой ладонью.

НА ДАЧЕ МОЛОТОВА

На следующее утро меня разбудил телефонный звонок.

— Товарищ Раскольников? Это говорит Жемчужина. Пожалуйста, приезжайте с женой к нам завтра в выходной день на дачу. Вячеслав Михайлович и я будем очень рады вас видеть. Завтра в одиннадцать часов утра за вами заедет машина.

Я с благодарностью принял приглашение. С Молотовым меня связывали старые отношения. Мы вместе учились на экономическом отделении Петербургского Политехнического института, вместе работали в «Звезде» и «Правде» и в партийной организации студентов-политехников. Приезжая в Москву, я обычно звонил ему, и он назначал мне свидание либо в служебном кабинете, либо на квартире в Кавалерском корпусе Кремля. Однажды в 1931 году, когда я из Франции, где проводил отпуск, ехал через Прагу в Москву, полпред СССР в Чехословакии А. Я. Аросев попросил меня отвезти подарки В. М. Молотову, его товарищу по подпольной работе в Казани. В первые же дни приезда в Москву я созвонился с Вячеславом Михайловичем и, доверху нагруженный картонками и свертками, вошел в Кремль. Молотов и Жемчужина стали при мне распаковывать заграничные подарки: шерстяную материю на мужской костюм, зеленое спортивное пальто для Полины Семеновны и кучу изящных детских вещей для их единственной дочери Светланы. С восхищением разглядывая вязаный детский костюмчик, Полина Семеновна непосредственно воскликнула:

— Когда же, наконец, у нас будут такие вещи, Вячеслав?

— Ты что же, против Советской власти? — шутливо ответил Молотов.

— Аросев разложился, стал обывателем,— говорил мне Молотов. Но это не мешало ему дружить с Аросевым, приглашать его к себе и даже принимать от него заграничные подарки.

Инициатива свидания с Молотовым всегда принадлежала мне. Интимности между нами не было. Молотов относился ко мне с легким покровительством удачника-бюрократа к бывшему школьному товарищу. По своей инициативе, да еще на дачу, в «святая святых» своего быта, Молотов никогда прежде меня не приглашал. Я мог приписать такое внимание лишь тому, что со мной накануне, в театре, милостиво беседовал Сталин.

Весь день мне звонили по телефону, ко мне приходили знакомые и поздравляли, как после удачной театральной премьеры, каким то образом все уже знали до малейших подробностей мой разговор со Сталиным.

В выходной день, ровно в одиннадцать часов, в гостинице «Метрополь», где я тогда остановился, подъехал нарядный закрытый автомобиль. Мы с женой сели и поехали. По дороге шофер заехал за Трояновским, Полпредом в Соединенных Штатах. Расчищенная, залитая асфальтом дорога вилась среди снежных полей и огромных сугробов. Трояновский умно и занимательно рассказывал об Америке, о гангстерах, о политических нравах. Посреди дороги навстречу нам шла небольшая группа людей. Впереди выступал плотный человек в пальто с барашковым воротником и в высокой, суживающейся кверху черной каракулевой шапке. Это был Молотов, которого сопровождали Чубарь и Валерий Иванович Межлаук, его заместители в Совете Народных Комиссаров. Они вышли навстречу гостям. Шофер остановил машину, мы сошли на расчищенную от снега дорогу, поздоровались и всей компанией пешком отправились на дачу.

...После разговора о пустяках, о тряпках, о болгарском розовом масле, которое особенно интересовало Жемчужину, как председательницу треста «Жиркость», мы сели за стол и с аппетитом выпили по чашке горячего кофе, заедая его бутербродами с сыром. Хороший муж, хороший отец и хорошая ломовая лошадь Сталина, Молотов угощал гостей с русским радушием. За столом темою разговора была предстоящая служебная командировка Жемчужиной, Шапошниковой и других руководителей треста «Тэже» в Германию, Францию и Соединенные Штаты. Жемчужина была счастлива и с ослепительным блеском глаз рассказывала о своих планах осмотра лучших парфюмерных заводов Европы и Америки. После завтрака Жемчужина занялась женщинами и приехавшими к ней ее сослуживцами по тресту, а Молотов позвал нас, мужчин, играть на бильярде в соседнюю пустующую дачу Михаила Ивановича Калинина.

— Здесь у меня нет бильярда, а на новой даче будет хорошая бильярдная,— говорил по дороге Вячеслав Михайлович.

В большой бильярдной калининской дачи пахло мелом, сукном и непрерывным табачным дымом. Мы сняли пальто, вооружились длинными киями и натерли их узкие кончики мелом...

— Кстати, я давно хотел с вами посоветоваться — сказал Молотов, держа на плече кий, как ружье,— Вы занимаетесь литературой. Мы решили торжественно отпраздновать столетие со дня смерти Пушкина. Как, по-вашему, лучше сформулировать: за что мы, большевики, любим Пушкина? Если сказать, что он создал русский литературный язык, что он воспел свободу, так под этим подпишется и Милюков. Надо придумать такую формулировку, под которой не мог бы подписаться Милюков. Подумайте-ка об этом.

Я обещал подумать. Мне показалось странным такое задание. На досуге я придумал тысячи определений значения Пушкина, но не решился доложить их Молотову: под каждым из них мог бы подписаться Милюков. По окончании последней партии мы поставили кий на место и возвратились на дачу Молотова.

В столовой, на длинном столе, накрытом скатертью, стояли холодные закуски: маринованные грибы, колбасы, осетрина с хреном. Молотов сел на краю стола. Справа он посадил Чубаря, а слева Трояновского. Рядом с Чубарем посадили мою жену, потом Валерия Межлаука, а рядом с Трояновским — жену Чубаря. Я оказался ее соседом слева. Незадолго перед тем, в начале ноября, я познакомился с ней у Владимира Петровича Потемкина, в Париже, куда она приезжала лечиться. В Париже она больше всего интересовалась кинематографом и каждый вечер уходила смотреть новую фильму. Очень разговорчивая и живая, как ртуть, она представляла полный контраст своему неподвижному и молчаливому мужу с приятным добродушно-хитроватым лицом. Культурный и образованный Межлаук, который до такой степени овладел английским языком, что даже по-русски говорил так, словно у него каша во рту, тоже не из разговорчивых. Моя жена была бы обречена протомиться весь обед в скуке и молчании, если бы не подоспел на помощь с шутками и прибаутками сидевший поблизости хозяин дома. Зато я не скучал с жизнерадостной и общительной женой Чубаря. Жемчужина сидела посредине стола с работниками треста «Жиркость». Начали обед с холодной закуски. Молотов взял в руку запотевший графинчик с холодной, как лед, водкой и осторожно, стараясь не капнуть на скатерть, наполнил рюмочки своих соседей. Потом графинчик пошел вкруговую. Те, кто не пили водку, наливали себе красное и белое «Напареуаи». Атмосфера была дружеская и веселая. Скоро завязался общий разговор, гости соревновались в остротах, подавали шутливые реплики, громко и заразительно смеялись. Молодые инженеры из треста «Тэже» держались около Жемчужиной скромно и почтительно, как адъютанты. В конце обеда, когда подали полусухое как шампанское «Абрау-Дюрсо», начались тосты. Чубарь предложил выпить за гостеприимную хозяйку дома, за ее ближайших соратников и за успех их заграничной командировки. Все гости подходили к Жемчужиной, весело чокались с ней и, стоя на ногах, пили шампанское из широких бокалов. Потом выпили за хозяина дома и, наконец, кто-то предложил тост «за прелестных и очаровательных женщин». Держа в руке полный бокал шампанского, поднялся со стула Молотов.

— Товарищи! — сказал он, обводя глазами гостей и выжидая, пока установится тишина,— до сих пор еще не было самого главного тоста. Я предлагаю выпить за нашего гениального вождя, ведущего нас от победы к победе, за родного и любимого Сталина.

Все гости с шумом вскочили с мест, как монархисты при первых звуках национального гимна, и во весь голос возбужденно закричали «ура», наперебой чокаясь с хозяином дома. Высоко закинув голову, Молотов до дна осушил бокал, решительным жестом вытер салфеткой черные, подстриженные усы и, с шумом отодвигая стул, поднялся из-за стола. После обеда в соседней гостиной начались танцы под граммофон. Молотов пригласил мою жену, обнял ее за талию и, мгновенно потеряв свою важность, заскользил по паркету под бравурную мелодию какой-то старинной польки. Он танцевал лишь польку, которая была в моде еще в годы его студенчества, а все новые танцы: фокстрот, танго и румбу он не знал и не признавал. Чубарь тоже вспомнил старину и с тяжеловатой неловкостью медведя отплясывал польку. Молотов, вытирая платком лоб, отдыхал от танцев, я подошел к нему и предложил переименовать Полпредов в послов и посланников: неизвестный международному праву термин «полномочный представитель» вносит путаницу и создает нежелательную для нас дискриминацию.

— Совершенно правильно! — сказал Молотов, одобрительно кивая головой.

Мы заговорили о международном положении, о военной опасности, о фашистской угрозе.

— Наш главный враг — Англия,— глубокомысленно сказал Молотов твердым, недопускающим возражения тоном.

Гости начали расходиться...